

ШОЛОМ АШ

РАССКАЗЫ

(ПЕРЕВОД С ЕВРЕЙСКОГО)

С критико-биографическим очерком

О. РАПОПОРТА

Издательство

„ЕВРЕЙСКАЯ КНИГА“

150, Route des Soeurs, Apt. 2

ШАНХАЙ

1942

ШОЛОМ АШ

Шолом Аш родился 1-го января 1881 года в Кутне, недалеко от Варшавы, в зажиточной хасидской семье. Молодой Аш получил традиционное, религиозно-национальное образование. Большое влияние имел на будущего писателя отец его, который послужил ему прототипом Шлоймы Ногида, и которому Шолом Аш посвятил свое самое совершенное произведение — поэму «Реб Шлойме Ногид».

На пороге 20-го века, в 1900 году, Шолом Аш дебютировал одновременно и в еврейской, и в древнееврейской литературе. В 1902 году Аш выпустил сборник «рассказов» по древнееврейски, а в 1903 году — по еврейски, под названием «В плохое время».

Этот сборник рассказов привлек всеобщее внимание к молодому автору, который скоро не только оправдал, но и перерос надежды, возложенные на него при первых шагах его. Уже в 1904 году появляется его поэма «Городок», принадлежащая и поныне не только к лучшим произведениям маститого и плодовитого писателя, но и к лучшим произведениям еврейской литературы. Вообще, эта поэма

упрочила Ашу место одного из самых видных представителей молодого писательского поколения, долженствовавшего сменить поколение наших классиков.

За «Городком» последовал целый ряд беллетристических и драматических произведений. Хотя, по единогласному мнению еврейской критики, Аш не обладает драматическим талантом, его пьесы переводятся на польский, русский и немецкий языки и ставятся в Варшаве, Петербурге и Берлине (знаменитым Рейнгартом). Особенно большим успехом пользовалась пьеса «Бог Мести», написанная в 1907 г. Аш не был первым писателем молодой еврейской литературы, переступившим литературный порог гетто (Менделе переводился на русский, и на польский еще в восьмидесятых годах прошлого столетия), но он был первым еврейским писателем, который не только ВОШЕЛ в чужую литературу, но и ДОШЕЛ до зрителей и читателей других народов.

В 1911 г. Аш издал поэму «Реб Шлойме Ногид», которая и ныне является самым художественно-зрелым, гармоническим его произведением, несмотря на то, что и здесь заметна примесь сентиментализма и внешней декоративности, — недостатки, которые мы находим, несмотря на огромный лирический и повествовательный талант Аша, даже в его величайших достижениях.

В «Реб Шлойме Ногиде» талант Аша достиг своего апогея, возмужал. В этой поэме

общечеловеческое пробивается сквозь архиеврейское, не разделяя эти элементы, а соединяя их в гармоничное целое.

После «Реб Шлойме Ногида» Аш вырывается из местечка в широкий еврейский свет, стремясь создать роман нашей многоликой (и также многострунной) диаспоры. Он приступает к широко задуманному роману, два тома которого называются: «Мери» и «Путь к себе». Как бы ни были различны оценки не местечкового Аша, — все мнения об этом романе диаспоры сходятся на том, что он не удачен.

После этой первой серьезной размолвки с еврейской литературой, Аш разросся — особенно в ширину, но частично и в глубину.

Годы первой мировой войны и первые годы после войны, Аш провел в Америке, где его литературная деятельность была чрезвычайно плодотворна. В эти годы он написал целый ряд произведений, и среди них несколько, принадлежащих к его самым популярным и — частично — самым удачным и сильным, относящимся ко второму периоду его литературной деятельности, как «Кидуш Гашем», «Мотке вор», «Дядя Мозес».

Последние пятнадцать лет Аш атакует — и часто с известным успехом — монументальные глубинные темы человеческой психики и еврейской жизни. Из этих произведений следует особенно выделить его «Тилим-ид», трилогию «Пред потоком» («Петербург», «Варшава», «Москва») и «Назарянина», вызвавшего

острый конфликт между Ашом и известной частью нашей литературной общественности. «Назарянин» до сих пор не появился по еврейски и Аш чуть ли не живет в сепарации с еврейской литературой.

Шестидесятилетний юбилей Аша в 1941 году (и 40-летний юбилей его литературной деятельности) застал Аша в полном расцвете сил и литературной плодовитости. Будем надеяться, что буйная экспансия Аша (как она ни хороша иногда, как, например, в «Варшаве») остановится, насыщенная до предела достижениями в области тематики и повествовательной техники, и Аш снова повернет в сторону глубинной, интимной экспансии и подарит нам творческие экстракты, вроде «Городка» и «Реб Шлойме Ногида», но иного, современного характера.

* * *

Ашу не пришлось, как Менделе или Перецу, пройти через период просвещенческой борьбы, — в начале 20-го века еврейская жизнь в России и Польше шла уже под знаком национального периода нашей истории.

Шолом Ашу не пришлось, как Менделе, Перецу и Шолом Алейхему, пережить острую борьбу перехода к «идиш», как языку интимного творчества. Этот переход произошел у него безболезненно, естественно. Аш не должен был вести с самим собой и с окружаю-

IV

Эти нотки тоски и умиления воспоминаниями наполняли воздух еврейской жизни и еврейской литературы, и Шолом Аш своей чисто женственной восприимчивостью и подверженностью внушению, подхватил эти нотки и настроения, которые уже начали приобретать у интеллектуального Переца идеологическое, мирозренческое оформление, и поплыл по перецовскому течению в литературе. В таких вещах, как «Деревенский праведник», где явно чувствуется влияние интеллектуального пути Переца, чисто лиричный Аш слаб, не убедителен. Но там, где он эти интеллектуальные усилия Переца перелагает на свой лирический лад, как в «Субботе в дороге», Аш становится творцом особого лада в еврейской литературе, особой мелодии, не оригинальной, самой по себе, но оригинально, виртуозно исполненной, с индивидуальной прелестью. Аш из этих ноток создавал симфонию «Городка» и «Реб Шлоймы Ногида».

Заслуга Аша, автора «Городка» и «Шлойме Ногида» состоит не только в том, что он дал еврейской литературе красивые произведения, что он осветил еврейское местечко иным светом, чем Менделе, чем Перец (первого «реалистического» периода) и чем Шолом Алейхем, — главная его заслуга состоит в том, что он оздоровил еврейскую психику, во первых, тем, что дал ей возможность изжить в сконцентрированной форме неясные нотки тоски по отмирающему родному и привычному, и во-вторых тем, что он восстановил ее равновесие: к сгущенной сатирической тезе

VI

щей его средой борьбу за «Идиш» и за литературу на «идиш» — он врастает в существующую, признанную, национально-живущую литературу.

Аш врастает не в атмосферу культурной борьбы, а в атмосферу более или менее нормального культурного творчества. Еврейский городок, который так классически обессмертен Менделе и Шолом Алейхемом в Кабцанске, Тунейдовке и Касриловке, — этот городок отходит в историческое забытие: с одной стороны он переживает большие перемены — метаморфоза жизни вокруг него втянула и его в свой обновляющийся и изменяющийся круговорот, а с другой стороны, этот городок отмирает, растворяется в соседних городках, куда перебрасываются культурные и экономические центры еврейской жизни. Городок уже не вызывает ненависти и смеха, — городок вызывает воспоминания, и трогательные воспоминания, как всякое отмирающее живое.

Эти нотки трогательных воспоминаний были не новостью в еврейской литературе. Можно привести много цитат, даже из произведений Менделе, особенно позднейшего периода («Волшебное кольцо», «Шлойме реб Хаймс»), где явно выступают эти нотки умиления перед исчезающим вековечным образом жизни. Эти нотки Менделе усилились пропорционально отмиранию местечка и его старых форм жизни и нарастанию новых жизненных форм, новых жизненных идеалов.

V

Менделе он создал сгущенную романтическую антитезу, приготавливая таким образом возможность воспрять творческий синтез Переца.

* * *

Менделе был писателем однолюбом, — он имел одну основную тему: еврейский Кабцанск извне и изнутри, от колыбели до гроба. В творчестве Аша много любовных увлечений (я подразумеваю не любовные авантюры героев Аша, но самого автора с его темами), но мы всегда можем отличить его истинную целомудренную творческую любовь от его любовных авантюр, от избытка творческого (псевдо-творческого?) озорства. И там, где вы находите истинную любовь Аша, она всегда отдается одному и тому же типу его любовного объекта, — любовного объекта его молодости, его первой любви — типу местечкового еврея, местечку в целом.

В его первых очерках и рассказах мы находим как бы зародышевые мотивы его главных позднейших произведений. И не только зародышевые мотивы, — в его очерках и зародыши его главных достоинств и недостатков.

Возьмем, например, его очерк «Суббота в дороге». Разве это не эскиз к «Городку»? Разве мы здесь уже не дышим атмосферой

VII

Субботы «Городка» со всем ее очарованием, со всем ее состоянием духа, со всей ее прелестью?

В очерке «Бет—Гамедраш» Аш лирически описывает роль Бет—гамедраша, как общественного института, в нашей жизни. Этот маленький эскиз насыщен силой символа, достигающего максимальной выразительности в заключительных словах: «Неугасимый светильник, глаз местечка, погас. Град-убежище разрушен...»

Это не мощный вопль Бялика о том же; это не та глубина, которую достигает Бялик в своих произведениях, посвященных разрушению голусного храма — «Бет—Гамедраша», но в этих аллегорических излияниях—источник самого ценного творчества Аша: из лирической тоски по отмирающему вырастает его мечта о золотом веке недавнего прошлого.

Рассказ «Под звуки рога» характерен для творчества Аша в двух отношениях. Во-первых, он интересен тем, что показывает очень выпукло типичный путь развития Аша. В этом рассказе согрешивший проповедник кается публично и просит публичного наказания под впечатлением неудачного трубления в рог. Он чувствует, что это его вина. И как только он покаялся — сатана теряет власть над святым рогом. Центр тяжести этого рассказа лежит в чуде. Аш этим иллюстрирует что-то фольклорное, верование евреев в мощь злых духов, и дает выражение своему романтическому пристрастию к чудесам, которыми так

ском Переулке». Одним словом—кольский переулочек и синагогальный переулочек являются единственным истинным родником истинного творчества Аша.

Для всего творчества Аша весьма характерен и рассказ «Пасха».

Этот простой незамысловатый рассказ на самом деле представляет собой одно из тех бедных зернышек, из которых вырастает богатый урожай.

В этом рассказе мы имеем в зародыше одну из движущих сил творчества Аша: перелом в еврейской истории, отмирание местечка, бездомность еврейского чувства коллективности, еврейской души.

Этот рассказ рисует полу-опустевший городок, в который съезжаются на Пасху из города все его блудные сыны. Все завидуют этим горожанам, — но в то же время эти горожане стремятся на Пасху в Соншевицы.

«...Уроженцы Соншевиц отличались необычайным патриотизмом. Куда бы судьба их ни забросила, где бы они ни находились, каждый из них величал себя соншевицецем, дабы не забылось, Боже упаси, имя его родного града...»

«В самой Соншевице отношения между людьми были далеко недружелюбные. Но стоило двум соншевицецам — которые дома были, может быть, злейшими врагами — встретиться где нибудь на чужбине, они бросались друг другу в объятья. Они и сели-

полны его лучшие книги, как «Реб Шлойме Ногид» и «Тилим-ид».

Этот самый согрешивший проповедник (вероятно факт, о котором слышал Аш, или пережит маленьким Ашом) играет видную роль под именем Лейб-даяна в «Реб Шлойме Ногида». В «Реб Шлойме Ногида» этот факт разрастается не только в ширину, но и углубляется, гуманизируется, теряя все свои фольклорные и чудодейственные элементы.

Лейб-даян кается не под страхом неудачного трубления в рог, — он кается из за угрызений своей религиозной совести. И как человеческим отзвуком это покаяние отзывается в душе Реб Шлоймы Ногида, который сам является развитием прообраза, изображенного в знаменитом и ярком рассказе молодого Аша — «Кольском Переулке». Реб Исроэль из «Кольского Переулка» это неразвернувшийся Шлойме Ногид. В этом рассказе и в этом реб Исроэле—добрая половина мотивов Шлоймы Ногида.

И интересно вот что: Реб Исроэль из «Кольского Переулка» (где жили мясники, возчики и рыбаки) вмещает в себе лучшие достоинства Шлоймы Ногида. Он как бы соединяет в себе «Кольский Переулочек» с «Синагогальным Переулком», как и Шлойме Ногид, в котором этот синтез духовнее и глубже, хотя он в поэме намечен и физически, как в Реб Исроэле — духовно.

И даже тень Мотьки вора со своим отцом, слепым Лейбом, мы замечаем в «Коль-

лись вместе и поддерживали друг друга, и горем своим делились, как два брата, изгнанные из родины и встретившиеся на чужбине».

В этих словах не только зародыш «Дяди Мозеса», где евреи в американском «шапе» тоскуют по своему местечку, как по потерянному раю, но и история Ашова «Городка».

Отмирающее местечко высылает своих сынов, жаждущих жизни, в города, где еврейство искало в конце прошлого века новой экономической почвы под ногами. Но они там потеряли вековую форму своей коллективной жизни, не находя, — большей частью и по сей день, — новой, заменяющей сколько нибудь старую. И в этой тоске по коллективу они стремились на Пасху домой, они питались крохами воспоминаний, крохами лучезарной и оживляющей силы традиционного образа жизни.

На этой психологической почве вырос Аш. Он сам знает, что в Соншевицах не царил идилизм, но потеряв Соншевицы, соншевицецы сплотились на чужбине духовно или духовно-физически и создали себе в мечте идилизм. Эта идилия не вымышленная, а составленная из реальных элементов, как всякая мечта, только очищенных, под сильным химическим воздействием тоски по потерянному, от всяких элементов отрицательной реальности. Осталась только положительная.

Это и есть Аш «Местечка», «Шлоймы Ногида», Аш — романтик, тем Ашом, который

крепко укоренился в еврейской литературе.

Аш является стандартным романтиком старосветского местечка, старосветского образа жизни потому, что настроения, царившие в нашей жизни в начале 20-го века, были особенно близки его мечтательному таланту, его любви к декоративно-торжественному, к ярко-блистательному, к высоким тонам.

С одной стороны, начало 20-го века созрело для «Местечка», а с другой, Шолом Аш нашел в этих местечковых настроениях нашей жизни и нашей литературы, идеальный медиум для своих настроений и наклонностей.

И все же, хотя Аш дал самое яркое выражение этим настроениям тоски по отмирающему, самое творческое выражение этой тоски не только в литературном отношении, но и в историческом, дал не Аш, а Перец.

Аш, как я сказал выше, был слишком поглощен лирической и декоративной стороной этой тоски, этой мечты по былому, чтобы заглянуть глубже в эту тоску и найти в ней дорогу, ведущую окольным путем через прошедшее к будущему.

Возьмите, например, его рассказ «В карнавальную ночь».

Этот рассказ не только красив, но и наполнен трагическими глубинами. Но что же мы видим в нем? Эти трагические глубины прикрываются — не только для читателя, но и

XII

В третьей части этого рассказа, которая не связана логически с предыдущими, бросается в глаза такая шокирующая мелочь: мать Рахиль носит свои субботние серьги, и Аш конечно охотно, жадно это отмечает. Даже в такой сцене он видит ненужное, декоративное внешнее. И, кроме того, бросается в глаза шокирующая мелодраматическая деталь: мать Рахиль с матерью Христа шьют покрывала для убитых евреев из кусков разорванных «Сефер Торот».

Там, где Аш остается на почве своих основных писательских мотивов и освобождается от своего первородного греха — мелодраматичности-декоративности — он блестящ. Но даже в самых блестящих своих произведениях этот первородный грех прокрадывается кое-где и портит кое-что.

* * *

Маленькие очерки и рассказы Шолом Аша — это эскизы к его большим поэмам и романам, как мы видели выше. В этом отношении и известная часть творчества Аша, как и творчество Менделе, спиралеобразная: она находится на той же плоскости, но возвышается все выше и выше.

Проповедник из «Под звуки рога» преобразуется спиралеобразно в Лейб-даяна из «Реб Шлоймы Ногида». Реб Исроель из «Кольского переулка» преобразуется в Реб Шлой-

для автора — пышными декорациями и мелодраматическими эффектами (мелодраматичность — это двоюродный брат декоративности и одна из самых больших слабостей огромного таланта Аша). В этом рассказе мы уже дышим воздухом «Волшебницы из Кастилии», где Аш роскошествует среди драгоценной парчи и бархата и мелодраматической пышности.

«В карнавальную ночь» — сильный, красивый рассказ. Но как ему подрезали крылья вышеозначенные слабости Аша!

Этот рассказ состоит из трех частей. В первой части — ночь перед бегом — ослабляется эффект мрачной подготовки к трагедии мелодраматичным приходом надсмотрщика и жертвой невест принесших свои вышивания для женихов. Аш с любовью описывает красивые вышивки и выставляет напоказ жертву девушек-невест, жертвуя при этом величавой мрачностью трагической ночи.

Самым сильным звеном этого рассказа является вторая часть, описывающая как Христос сходит с креста и бежит вместе с евреями в карнавальном беге. Но и здесь страсть к мелодраматичности и к декоративному, даже в духовной области, толкнула его на известную ошибку: он ведет Христа к Мессии. Если уже свести эти две титанические символические фигуры, то надо им дать говорить, так сказать, во весь голос. В этом рассказе этот момент не возвышается над декоративно-мелодраматическим трюком.

XIII

ме Ногида. «Тилим-идн», которые мы мимоходом встречаем в «Местечке» и в «Шлойме Ногида», вырастают в Реб Иехиеля из одного из лучших произведений Аша — «Тилим-ид», который вообще является как бы творческой хрестоматией всех творческих мотивов и образов романов Аша, вместе с сопутствующими их тенями, на которые я указал уже выше.

О. РАПОПОРТ.